

БУЛЬВАРНОЕ ЧТИВО

Наталья РТИЩЕВА

Тел./факс 259-47-94

Москва, комсомолец
МИХАЛКОВ 1998. — 30 сент.

С Никитой Михалковым я познакомился во ВГИКе. Он снялся в "Я шагаю по Москве" и появился там как герой этого фильма. Я уже был сценарист в объединении Ромма "Товарищ", и там же был его брат Андрон. Никита приходил туда как свой человек. Он читал мой сценарий "Долги наши" — я им прославился сразу после ВГИКа — и давал его читать Андрону. Андрон сказал: "Это не пропустят". "А что, Андрон, мне делать?" — спрашиваю. "Ну что ты неешь, ей-Богу. Возьми пьесу напиши". А я никогда пьес не писал. "Да брось ты. Возьми, вон, Чехова почитай. Посчитай, сколько слов у "Дяди Бани", чтоб у тебя было не больше". Я посчитал слова в "Дяде Ване", выверил, чтобы у меня было не больше, и даже разбил пьесу на три акта, как у Чехова. И она обломом пошла по стране. Я два года был на первом месте в репертуаре. Даже Сергея Михалкова обошел.

Никита видел, как мы с Андроном обнюхивались, как два пса: ходили в ЦДЛ, пили коньяк, думали, что бы написать. У Андрона фантазия бьет ключом, и все по голове — твоя воля просто парализуется. Ему другой, наверное, нужен был соавтор. Никита показал мне свой диплом, который ему написал Рустам Ибрагимбеков. Там снимались Сережа Никоненко и Наташа Аринбасарова. Один день в конце войны. И сказал: "Давай работать вместе". Он такой — если ему человек нравится и у него в нем есть потребность, он идет напролом. Даже если люди кажутся несовместимыми — как мы. Он вроде такой аристократ, а я такая шпана. Так у нас возник "Свой среди чужих, чужой среди своих". Тогда появились Саша Адабашьян, который был художником на картине, и Паша Лебешев, оператор. Все молодые, компания была классная. Писали мы в Гаграх. Они там жарились на солнце, а я сидел и кропал сценарий. Потом сели вместе доводить сценарий до ума. И когда сделали, принесли на студию, его прочитал директор "Мосфильма" Сизов, ему он понравился, и он сказал: "Запускаю!". Но тут как гром среди ясного неба — Никиту забирают в армию.

Для Никиты это было ударом страшным. Он кинулся даже не к отцу, а к Бондарчуку, он должен был заступиться в его объединении: "Сергей Федорович, помогите!". На что Бондарчук так ехидно улыбнулся: "А что ж ты к отцу не пошел?" — "Да что к отцу идти? Мне еще хуже будет". И "Бондарь" позвонил. И думаю, что он не тому человеку позвонил. Он позвонил начальнику Генштаба. А тот то ли не любил Сергея Михалкова и всю семью в целом, Бог его знает, но он как заорет: "Что? Да я его упеку на край земли!" И Никита загребал на флот на Камчатку. И отбухал весь срок. Над ним издевались страшно, сортиры заставляли драить. Конечно, для всех было удовольствием — приехал сам Михалков. "Я шагаю по Москве" вся страна видела: "Ну, ты теперь у нас по сортиру пошлагаешь!".

...Как-то я возвращался от Никиты поздно ночью. В переулке меня встречает моя родная шпана: "Писатель, дай трешник!". А у меня не было трешника. Началась драка, и меня изрезали бритвой. Исполосовали со страшной силой. Я долгелся домой. Рубашка изорвана, изрезана, в крови. Дома никого нет. Звоню Никите. Никита нашел на помойке обломок водопроводной трубы, обернул его в газету — мало ли, на тех же нарвется, прошел закоулками ко мне в Замоскворечье, сгрел меня в охапку и повез к себе на дачу. Наталья Петровна Кончаловская, его мама, заставила меня снять трусы, залезть в ванну, мыла меня каким-то дезинфицирующим мылом — руки теплые, большие — заклеила пластырем и принесла мне халат Сергея Михалкова. Я вышел розовый, обложенный в халат Михалкова. Никита сидел счастливый, что я живой и здоровый, на столе стояла "Кончаловка" — это Наталья Петровна делала свою водку. Она покупала обыкновенную водку, очищала ее марганцовкой, активированным углем и потом настаивала на смородиновых почках. Напиток становился розовый, сивушный уксус уходил, человек выпивал очень много, даже не понимая, что он пьет водку. Так, залечивая раны, я жил у Никиты на даче дней 10. Вместе мы еще написали сценарий "Ненависть", который в Одессе снимал Семен Гаспаров. Я приехал в Одессу, посмотрел материал и пришел в тихий ужас. Звоню Никите в Москву: "Это дурдом, вылетай немедленно". Он на следующий день прилетел. Сидел четыре или пять дней в монтажной. Сократил картину метров на 300, перемонтировал все. А режиссер на этой картине себе биографию сделал — его сразу взяли в Москву на студию Горького.

...Когда умерла первая жена Саши Адабашьяна, Никита просто дневал-ночевал с Сашкой, потому что тот переживал страшно. Я думал, что человек рухнет, — так он ее любил. Она забеременела и хотела сохранить беременность. Сашки не было в городе, она легла в какую-то занюханную больницу. И у нее начался страшный сепсис. Когда приехал Сашка с Никитой, они перевезли ее в хорошую больницу, но спасти ее было уже нельзя.

...Стычки у нас с Никитой были, но только на бытовой почве, на почве моего пьянства. Он любил выпить, но я ни разу не видел, чтобы его кто-нибудь перепил. Он был всегда трезвее всех. На моей памяти была только одна история. Как-то Никита звонит мне утром шепотом: "Спиртного достань". Я достаю водку. А Никита тогда только развелся с Настей Вертинской и опять пришел жить к папе. У него была комната, как пенал длинная. И с ним поселился композитор Славка Овчинников, он писал музыку для Андрона. Я звоню тихо в дверь. Полина, домработница, открывает. Спрашиваю: "Домашка?" Это я про папу, Сергея Владимировича Михалкова, которого все страшно боялись. "Домашка, заходи тихо". Я иду на цыпочках к комнате Никиты через дверь кухни. Вдруг дверь кухни открывает Сергей Михалков, и я за ней прячусь. Вижу, лежит на одной кровати Никита, на другой Славка Овчинников. Папа направляется к Никите: "Спишь, га-а-вно! Люди, между прочим, давно работают, а ты гуляешь?" Никита одеялом накрылся и из-под одеяла: "Папа, ну сколько можно? Ну я больше не могу, ну это уже невозможно, мне надоело твои претензии..." Сергей Владимирович показывает на лежащего Овчинникова: "Я ха-а-чу, чтобы этот убрался отсюда!" Повернулся и ушел. Я выдыхаю с облегчением. Думаю, хорошо, что меня не видел с водкой. Овчинников с кровати: "Никитончик, ты не ругайся с папой, а то он нас вы-

Эдуард Володарский. Бывало, сидел 15 суток, бил морду начальнику охраны, дружинникам, его исключали из комсомола, института, он грабил ювелирный магазин, сидел в Бутырской тюрьме — а потом стал замечательным сценаристом. Написал Алексею Герману "Проверку на дорогах", "Моего друга Ивана Лапшина", "Двадцать дней без войны". С его сценарием "Свой среди чужих, чужой среди своих" дебютировал в режиссуре Никита Михалков. Володарский — один из ближайших друзей Высоцкого. О знаменитых людях много чего известно. И только друзья знают о них то, чего мы не знаем. Володарского как человека решительного мы попросили рассказать о Михалкове, Германе и Высоцком только правду. В общем, дело было так...

ВОДКА ОТ СКЛИФА

О чем забыл Герман и помнит Михалков

гонит, а мне здесь еще жить". Его так и звали друзья — Никитон, Никитончик.

А Овчинников постоянно жил на даче Михалковых и все время воровал из кастроли курицу. Обжора был жуткий. Варится курица, он залезает в кастролю и уносит. Прятал он ее в сливном баке в туалете. Чтб не досталась уже никому. Домработница Мохова, ее, кстати, так и зовут в "Утомленных солнцем", все время жаловалась Наталье Петровне: "Наталья Петровна, он еду ворует!".

Однажды у нас с Никитой была серьезная стычка. Мы квазили в Коктебеле — режиссер Валька Ехов, Овчинников. Потому уехали на такси в поселок Рыбачий с кучей портвейна смотреть пейзажи. И когда вернулись, Никита был обижен страшно и сказал: "Все! (А жили мы в Коктебеле в одной комнате.) Я больше не могу с вами жить, вы меня замучили, я от вас съезжаю". И ушел. Куда — не знаю. И мы ему написали письмо: "Да, конечно, ты дворянин, а мы дворянжик, мы сукины дети, а ты..." Ну и все в том же роде. Он эту записку хранит до сих пор. Поместил ее в рамочку, и в кабинете в "ТриТэ" она у него висит. Показывал мне ее: "Читай, что вы мне написали, мерзавцы".

Когда я очень сблизился с Германом, он ко мне охладел. То ли из ревности, но он как-то резко от меня отдалился. Они как раз в это время начинали писать "Неоконченную пьесу...", он предложил поработать, я сказал, что занят с Германом. И больше мы с ним никогда не работали. Он стал работать с Адабашьяном, и очень удачно. Сашка неизмеримо много внес в его картины, как и Рустам Ибрагимбеков, о чем Никита всегда, между прочим, помнит.

ГЕРМАН

До встречи с Алексеем Германом я благополучно сел на 15 суток. Дело было в Ялте. Хлебнув вина у бочки, я поспорил, что побреюсь наголо. Зашел в парикмахерскую на Ялтинской набережной и побрился. Прихожу на студию, а съемочная группа уже уехала на Ай-Петри. Захожу в охранную комнату, где сидел начальник охраны студии, бывший тюремщик. Я хочу позвонить по телефону, чтоб вызвать такси, а он не дает и вызывает милицию. Я все-таки дозваниваюсь до такси, выхожу, он загрохивает дорогу, я ему в рыло — раз-другой — он упал, тут как раз такси подруливает. И тут же — милицейская машина. Я прыгаю в такси: "Старик, за мной 15 суток едут, давай гони на Ай-Петри". И вешаю ему 10 рублей на баранку. Он выжимал все, что мог. Догнали нас только на шоссе. Привели к начальнику отделения, а он: "А этого и брить не надо". И я 15 суток строил в Ялте здание Нарсуда.

Потом я уехал в Москву, и в это же время появился Лешка Герман.

Он прочитал мой сценарий "Долги наши". А сценарий этот, как все запрещенное, разошелся по всем студиям: "У меня есть к вам предложение. Экранизировать повесть моего отца". Я прочитал книжку и пришел в ужас — повесть халтурная: КГБ, какая-то разведшкола, шпионы. Думаю, что делать? Я никогда таких вещей не писал, не касался их и очень боялся. Приезжает Герман. Мы встретились в кабке на Маяковской, там коньяк разливали из автоматов. Лешка не пил — он уже тогда этим отличался. Я не знаю, как ему это сказать, потому что уже побывав в доме и видел, какое там почитание отца. Я возьми ему и ляпи, что повесть говно. У него ни один мускул не дрогнул: "Я знаю, повесть плохая, там все надо переделать". И примерно за месяц я написал сценарий. Фактически все придумал заново. И как-то дело счастливо поначалу пошло. В Госкино утвердили — картина называлась "Проверка на дорогах", а "Операция "С Новым годом!", — сняли. И вдруг начался облом. Нам сказали, что все это ложь, что мы оправдываем власовцев. Дело дошло до ЦК. Председатель Госкино Ермаш сказал: "Забудь про эту картину, для тебя же лучше, как и для Германа". Мы писали какие-то письма, Лешка показывал фильм Товстоногову, чтоб тот писал в защиту. Картина очень нравилась Симонову, благодаря которому Герман потом смог снять "Двадцать дней без войны". Симонов именно ему дал снимать, а не своему постоянному режиссеру Столперу. Симонов сказал Суслову: "Вот если тут чуть-чуть сократить, а здесь переозвучить, то будет все неплохо". На что Суслов ответил: "А чего тут сокращать? Тут сокращать нечего. Меня просто интересует, парторганизация-то есть на студии? Спешите картину". Встал и ушел. Это, кстати, спасло картину — ее не стали резать, а просто бросили в подвал, где она лежала 15 лет такой, какой была сделана.

Лешка тем не менее получил симоновский сценарий "Двадцать дней без войны". Позвонил мне: "Нужна твоя помощь, приезжай". Я приехал, он мне дает 170 страниц. Надо все переделать, сократить. И я опять на его даче сидел 20 дней и переписывал сценарий. Кстати, монолог, который произносит Петренко в поезде, написан мною от первого до последнего слова. Лешка часто в интервью говорит, какой классный монолог, но забывает почему-то сказать обо мне. А "Мой друг Иван Лапшин" мною уже был написан. Три раза я помогал своему товарищу Алексею Герману. И он нигде и никогда меня не упомянул. Для Лешки есть только "Папа и я" или "Симонов и я". Я с огромным уважением отношусь к его отцу, но надо быть справедливым, помнить добро, которое тебе сделали. Он ни разу не вспомнил, когда говорил о "Проверке на дорогах", про Вадима Гаузнера, второго режиссера, который много сделал на этой картине. Очень талантливый был человек. Он никогда не вспомнил, когда говорил про "Двадцать дней без войны" и "Моего друга Ивана Лапшина", Витю Аристов, который тоже работал на него вторым режиссером. И Андрея Болтнева нашел не Лешка Герман, а Витя Аристов, который ездил по Сибири. Лешка может сколько угодно плести, что кино — это сны. Но я-то знаю, что это коллективное творчество. Снял бы Тарковский "Зеркало" без оператора Гог Рерберга? Не было бы никогда в фильме этой живой природы, этой шевелящейся травы, этих лиц этой женщины, которая опрокидывает волосы.

Лешу всегда обожала пресса. В прессе хотя бы раз была про него статья, какие ляпают про Никиту Михалкова? А ведь Никита всегда вспоминает тех, с кем работал.

Леша всегда очень сытно и устроено жил, даже дачу себе построил рядом с Собаком. Папа оставил много денег. Юрий Герман был такой же благоустроенный и богатый человек, как и папа Никиты — Сергей Михалков. Его звали "ленинградский Шолохов". Когда они с министром МВД Кругловым ездили податные по шоссе 140 км/час, их никто не трогал. Такой же дворянин, между прочим. Леша ведь имеет отношение к роду Игнатьевых. Это дворянский род. Генерал Игнатьев был одним из первых, кто перешел на сторону Советской власти.

У Никиты есть большие причины обижаться. Как его лупят сейчас? Как его лупили за "Обломова" и "Родню"? Но он почему-то никогда не говорит, что он такой сильно несчастный. И я не считал себя обиженным. Хотя "Проверка на дорогах" лопнула, о "Лапшине" сказали "забыть про этот сценарий". Сценарии не ставят, потому что такое нельзя писать, или ставят, но безбожно режут. Пишу "Двадцать дней без войны", Леша начинает снимать, а я сижу в полном эмалированном тазу. Жить не на что. А у меня еще идиотская манера тратить деньги — сорить, дарить, давать в долг, пропивать. Я еду во Фрунзе, что-то кому-то переделываю, потом лечу в Алма-Ату, там предложили работу. А мне осточертело жить по гостиницам, мотаться. И потом постоянное пьянство, потому что все время друзья собираются и все пьют как звери. Тем не менее я не считал, что меня так широко власть замучила. У власти своя работа, а у меня своя. И мне непонятно, как человек весьма благоустроенный может с удивительной легкостью разрыгаться себя бедного, обиженного и несчастного.

У Никиты на сьемках шашлыки жарят, купаюся, в футбол играют, а Германа вся группа ненавидела. Однажды они пошли выбирать натуру в зоо-

парк. Подошли, где стояли верблюды. Лешка стал жестикулировать, показывать на верблюда. Верблуду все это не понравилось, и он плюнул. И попал Лешке в лицо. А плевков верблюда — это такая клейкая масса, которую сразу не сдерешь. Какие счастливые лица были у всей группы! Для них это был самый светлый день во всем съемочном периоде. Теперь Леша не хочет показывать "Хрусталева" в стране. Сказал, что будет готовить упрощенный вариант картины. Дескать, для вас, дураков, сделаем, чтоб вы поняли. Но боюсь, что не поймут ни в будущем, ни в настоящем. И инопланетяне не поймут.

ВЫСОЦКИЙ

Люди часто пишут вещи, которых не было. Или что-то было, но совсем не так. Или с людьми происходит абберация памяти, как с Сережей Соловьевым, который все время рассказывает, что "Спасатель" он писал с Геней Шпаликовым. А это мы с ним сочинили новеллу, которая называлась "Спасатель". И из которой Сережа сделал большой сценарий и снял фильм. Когда я его спрашиваю, неужели от искренне забыл, он начинает смеяться, хихикает, хлопать себя по коленкам, по ляжкам. У него есть фильм "Егор Булычев и другие", очень хорошая картина. О которой он тоже почему-то не хочет вспоминать. Потому что сейчас не модно имя Максима Горького? А этот фильм уж никак не сравним с тем, что он потом лепил под названием "Дом под звездным небом". Такая прекрасная оформленная пустота. Хороший оператор, хороший художник, хорошие артисты, а про что это, догадаться можно только под сильным наркотком. Или когда тебя долго будут бить табуреткой по голове.

Все читали дневники Нагибина, были в восторге, как он всех там обгадил. В этих дневниках есть маленький эпизод, к которому имела касательство моя жена Фаридка. Там написано, что к ним в дом пришла дико пьяная Марина Влади, начала говорить о сексуальных извращениях. Высоцкий дал ей по морде и ушел. Надо начать с того, что Нагибина при этом не было. Что пришла она с моей женой Фаридой и совсем не для этих разговоров. Володька сидел у нас на даче трезвый — мы тогда не пили. Он страшно нервничал, что Марина написала и хотела еще водки. Он сказал: "Марин, тебе больше не надо". Она рассердилась, и они с Фаридой пошли к жене Нагибина Алисе просить водки, и та дала. И по морде, естественно, никто никому не давал. Потому что Володька сидел в другом доме, и вообще он не тот человек, чтобы при чужих бить баб.

Я вспоминаю, как мы подрались с Никитой Михалковым и Сашкой Суриным во время Междуродного кинофестиваля в ночном баре. Овчинников там пьянствовал с югославами. Я подошел к нему и треснул по затылку. Югославы вскочили и кинулись на меня с кулаками. И Никита с Сашкой тоже влезли, и там чуть-чуть не началась повальная драка. Это правда.

Володька, кстати, когда чувствовал себя виноватым, всегда просил извинения. В Театре на Таганке за правду его ненавидели. Он Аллу Демидову иначе как "кожерой" не называл. А Славина была "антикожерга", потому что она была маленькая, а Демидова здоровая. Много было, если все перебрать в памяти. И жаль, что никто не узнает, как это было на самом деле.

Напоследок я хочу вспомнить эпизод, как нас с Володькой Фаридка с Мариной Влади везли в Склиф. Приводили в трезвое состояние.

Я уже выходил из запоя. Вдруг появляется Володька пьяный! И все начинается сначала. Мы сидим у меня дома, пьем. Волода смотрит на часы и говорит: "Через три дня Мариночка прилетает". Продолжаем гудеть. На следующий день Волода опять смотрит на часы: "Через два дня Марина прилетает. Надо бы ее встретить". На третий день: "Через два часа эта сука прилетит!". Естественно, мы ее встретили. Фаридка отвезла Володьку на Грузинскую, чтобы он был там, когда из аэропорта придет Марина. Он вернулся к нам ночью в разорванной рубашке: "Вот любимую рубашку порвала". Наутро появилась Марина, в леопардовой шубе, роскошная, волосы по плечам. И на пороге говорит Фариде: "Дай мне денег, я улетаю". Фаридка говорит: "Ну ты посиди, отдохни, потом полетишь". Она хотела их помирить. Марина зашла. Села на кухню. На столе стояла бутылка коньяка. Она тут же себе налила, выпила. А мы совсеемся в комнате, Волода говорит: "Я слышу, как она пьет! Она выпьет последний наш коньяк!" Он встал, пошел на кухню. Протянул руку к бутылке. Марина тоже хватает бутылку. Идет молчаливая борьба. Он все-таки вырвал, победоносно вернулся в комнату, и мы ее прикончили. Марина говорит Фариде: "Так нельзя. У Володи спектакли, фильм, его нужно выводить. Надо что-нибудь придумать".

Бутылка кончалась. Появляется Волода на пороге и говорит: "Где водка?" Фаридка с Мариной молчат. Вдруг Марина говорит: "Волода, водка есть, но она не здесь". — "А где?" — "Ну, там, в Скилфе". Он приходит ко мне: "Эдька, они говорят, в Скилфе нам водки дадут, поехали". А мы уже такие пьяные, что не соображаем, что в Скилфе водку не дают, там совсем другое дают. Я даю Володьке свой пиджак, а он шупленый, рукава висят, как у сироты. Спускаемся в лифте, выходим из подъезда.

Едем. Какой-то полуподвал. Там все Володькины друзья, вся бригада реанимации, которая его всегда спасала. Они все, конечно, сразу поняли. Мы сидим, ждем, когда нам дадут водки. Володьку увели. Ну, думаю, уже дадут. Вдруг его ведут. А ему уже какой-то укол сделали, и он так на меня посмотрел: "Беги отсюда, ничего здесь не надо". И его увели. А я вскочил на стол, размахивая ножом кухонным, который взял из дома, открыл окно и ушел на улицу. На следующий день пьянка уже кончилась, все тихо. Звонит Марина: "Волода уже вернулся из больницы, приезжайте, будем пить чай". Мы едем к ним. Действительно, на кухне накрыт чай. Володька сидит во-от с таким фингалом под глазом. Руки стертые в запястьях. Говорит: "Вот что со мной в больнице сделали, санитар мне в глаз дал". Там жесточайшие способы. Они его раздвали доглаго, привязывали к цинковому столу и делали какие-то уколы. Он выворачивал руки, стер их в кровь и все время вопил, что он артист, что с ним так нельзя. И так надоед санитару, что тот дал ему в глаз. А он тогда снимался в "Арапе Петра Великого" у Митты. Вот так нас привели в чувство, и мы крошечные, аки голуби, сидели на кухне и пили чай...